

ОНТОЛОГИЯ, ЭПИСТЕМОЛОГИЯ, ЛОГИКА

УДК 165

И.Б. Ардашкин**НАУЧНАЯ ПРОБЛЕМА КАК ОДИН ИЗ КЛЮЧЕВЫХ ФЕНОМЕНОВ
НЕКЛАССИЧЕСКОЙ ЭПИСТЕМОЛОГИИ¹**

Рассматривается феномен научной проблемы в контексте компаративистской оценки его интерпретации с позиции классической и неклассической эпистемологии. Констатируется, что в неклассической эпистемологии научная проблема выступает в качестве социокультурного основания взаимодействия науки как системы знания и других аналогичных образований (миф, религия, повседневность и т.д.). Делается вывод, что научная проблема, в рамках которой формируется контекст когнитивной ситуации, создает наиболее адекватные эвристические условия для познавательного процесса в современной культуре.

Ключевые слова: научная проблема, классическая эпистемология, неклассическая эпистемология, социокультурное основание.

Сегодня большинство философов, эпистемологов солидарны с точкой зрения, что эпистемология в ее традиционном виде стоит перед серьезным вызовом. Ей предстоит либо сохраниться как отдельной составляющей философии, либо исчезнуть за ненадобностью. Такая ситуация обусловлена активным развитием общества на основе научно-технического прогресса, в результате которого современная цивилизация трансформируется в «цивилизацию знания», где актуализируются в первую очередь утилитаристские, технонаучные, информационно-коммуникационные и т.д. процессы. В этих условиях эпистемология, ориентированная на изучение того, что такое знание, познание, истина не нужна. По этой причине, чтобы эпистемологии сохраниться, ей необходимо существенным образом проанализировать идущие изменения в науке, обществе, культуре. Как пишет Б.И. Пружинин, «сегодня социально-культурная автономия науки отстывает. Фундаментальные для науки ценностные ориентации разрушаются. И это обстоятельство очень чувствительно воспринимает именно эпистемология. Можно, конечно, полагать, что эти ориентации просто изменяются и перестраиваются. Но тогда как раз и требуется серьезный эпистемологический анализ происходящих изменений» [1. С. 198].

Автор статьи придерживается той точки зрения, что эпистемология как сопутствующая развитию науки и техники интенция осмысления познавательных процессов необходима. В то же время полагаю, что эпистемология действительно нуждается в своеобразной модернизации, выработке нового понятийного аппарата, в усовершенствовании уже имеющегося. В этом

¹ Публикуется в рамках государственного задания «Наука» для Томского политехнического университета.

смысле обращение к феномену научной проблемы представляет один из шагов по модернизации эпистемологии.

Следует сразу уточнить, что, обозначая научную проблему в качестве феномена, автор имеет в виду понимание последней как явления в буквальном (обычном), а не феноменологическом смысле. Феномен научной проблемы предполагает его интерпретацию и как понятие, и как состояние знания и сознания, и возможные другие проявления.

Научная проблема как форма научного знания исследована в классической эпистемологии очень подробно. Этой теме посвящено большое количество статей, монографий, диссертаций. Но все эти исследования касаются лишь традиционного (характерного для классической эпистемологии) понимания знания и познания, что, собственно, вполне естественно для того этапа ее развития. Здесь научная проблема большинством исследователей рассматривается как начальный пункт научного исследования, от правильности организации которого (от грамотности постановки научной проблемы) во многом зависит когнитивный результат в дальнейшем. До малейших нюансов было изучено, что является источником научной проблемы, проанализированы многие понятия, обуславливающие специфическое место проблемы в процессе научного познания (такие как задача, вопрос, противоречие, проблемная ситуация, гипотеза, теория, открытие, изобретение, догадка, озарение, неопределенность, субъективность, объективность, знание, незнание, творчество и т.д.) [2. С. 258–265]. Но в связи с трансформацией эпистемологии, вызванной перестройкой культурных и цивилизационных оснований жизнедеятельности общества соответствующего рассмотрения места и роли научной проблемы в научном познании не проводилось. Хотя такой анализ необходим, учитывая тот факт, что употребление понятия «научная проблема» (проблема) в научной литературе возросло. В этих текстах постоянно приходится сталкиваться с тем, что то или иное понятие, тот или иной процесс характеризуются как проблемные, растет не только количество проблем, но и их масштаб (уже приведший к уровню глобальных проблем). Научная проблема предстает не только как состояние (результат) знания, но и как процесс, где знание постоянно «проблематизируется».

Для того, чтобы точнее обозначить предмет исследования в статье, лучше всего обратиться к сопоставлению основных характеристик эпистемологии в ее классическом и неклассическом ракурсах и характеристик научной проблемы как формы научного знания в зависимости от того, в рамках какого из типов эпистемологии последняя осмысливается.

Выделение классической и неклассической эпистемологии в отечественной литературе связано с именем В.А. Лекторского. Использование его классификации эпистемологии в статье обусловлено в первую очередь установкой, связанной с признанием необходимости эпистемологии (в любом ее понимании) как отдельного раздела философии, а также тем, что указанный подход ориентирован на выявление преемственности между обозначенными состояниями эпистемологии. Поэтому автор статьи спроецирует характеристики классической и неклассической эпистемологии на характеристики проблемы, чтобы обозначить специфическую роль последней в системе становящейся современной (по В.А. Лекторскому – неклассической) эпистемологии.

В качестве основных особенностей классической эпистемологии В.А. Лекторский выделяет следующие характеристики: 1) критицизм (эпистемология трактуется как критика того, что считается знанием в повседневном смысле); 2) фундаментализм и нормативизм (выявление такого достоверного основания познания, которое позволяет получить раз и навсегда истинное знание, а также выработка основных нормативных процедур по достижению истинного знания); 3) субъектоцентризм (признание субъекта, его существования в качестве того фундамента, на основе которого возможно построение системы истинного знания); 4) наукоцентризм (признание науки в качестве основного способа получения и хранения истинного знания) [3. С. 9–14].

В рамках эпистемологии, чьи характеристики были обозначены выше, научная проблема представляет собой форму научного знания, в которой временно выражается неопределенность существующего научного знания (критицизм). Данная неопределенность должна быть субъектом выявлена и устранена (субъектоцентризм). Научная проблема должна быть решена с помощью специальных научных средств (нормативизм и наукоцентризм), в результате чего будет получено новое истинное знание, которое «вольется» в существующую систему научного знания раз и навсегда (фундаментализм). После чего субъект обращается к новой сфере реальности, чтобы выяснить, насколько имеющееся научное знание полноценно ее описывает (критицизм и субъектоцентризм). И так постепенно наука все точнее познает окружающий человека мир, а ее знания все больше и больше совершенствуются.

Научная проблема в такой системе играет инструментальную роль, выступая в качестве временного механизма познавательного процесса, чья функция заключается в выявлении временной неопределенности наличного научного знания и дальнейшей ее элиминации. Но даже и такой функциональный подход к трактовке научной проблемы признавал существенную значимость научной проблемы как этапа научного познания, во многом определявшего его дальнейший результат. Как известно, сложилось представление, что правильно поставленная научная проблема – половина ее решения. Тем не менее к центральным феноменам классической эпистемологии научную проблему отнести нельзя, таковыми следует признать истину, объективность, критичность, субъект-объектное отношение, достоверность, фундаментальность и т.д.

Но происходящая трансформация эпистемологии заставляет заново переосмыслить эти устоявшиеся характеристики эпистемологии. В первую очередь эти изменения обусловлены проникновением человека в новые измерения реальности (микромир, мегамир). В дальнейшем это приводит к необходимости пересмотра средств познавательной деятельности, используемых в процессе познания. Кроме того, развиваются новые технологии получения, хранения, применения знания, которые получили название НБИК-технологии (нанотехнологии, биотехнологии, информационные и когнитивные технологии). Все эти трансформации заставляют эпистемологов если не отказываться, то серьезным образом трансформировать эпистемологию.

Новую эпистемологию, находящуюся в стадии становления, по В.А. Лекторскому, характеризуют следующие черты: 1) отказ от абсолютистского

критицизма, связанного с допущением доверия в познании как формы субъективного отношения (подразумевается, что познание начинается не с нуля, а с определенных оснований, к которым приходится относиться с доверием); 2) отказ от фундаментализма (нефундаменталистское понимание обоснования научного знания); 3) отказ от субъектоцентризма (субъект выступает сегодня не столько основанием познавательной деятельности, сколько сам является продуктом эпистемологического и коммуникативного взаимодействия); 4) отказ от наукоцентризма (наука – важнейший способ познания, но не единственный) [3. С. 15–20].

Если сопоставить эти характеристики неклассической эпистемологии с характеристиками классической, то можно первоначально увидеть, что первые сформулированы как отрицание или как отказ от принятия характеристик последних. Но это не совсем так. Конечно, очень многое меняется, начинает работать и интерпретироваться по-другому, но стержень эпистемологической проблематики, предмет эпистемологии не исчезает. Тот же В.А. Лекторский, несмотря на «отрицательную» выраженность характеристик неклассической эпистемологии по отношению к классической, констатирует: «Вместе с тем я хочу подчеркнуть, что центральная проблематика эпистемологии не только не исчезает, а становится все актуальнее. Это проблема отношения знания к той реальности, в которой живет человек и которая становится все более сложной» [4. С. 29]. Для того, кстати, и следует обратиться к феномену проблемы в условиях неклассической эпистемологии, чтобы подчеркнуть ее новое, важное (одно из ключевых) значение.

Для начала продемонстрируем, как актуализируется роль проблемы для знания и познания в контексте обозначенных В.А. Лекторским характеристик эпистемологии.

Отказ от абсолютистского критицизма. На первый взгляд, такая характеристика свидетельствует скорее о понижении роли научной проблемы в знании и познании. Ведь отказ от критики (упрощенно) предполагает «снятие» жестких границ между достоверным знанием и недостоверным, между мнением и знанием, между верой и знанием. Однако отказ от критицизма вовсе не снимает вопрос о границе между знанием и незнанием, а, наоборот, усложняет процесс соотношения этих факторов. Усложняет, поскольку возникает затруднение с поиском основания достоверности познания, того, от чего нужно отталкиваться для осуществления критики.

В классической эпистемологии еще Р. Декарт полагал, что сомнение выступает таким основанием, поскольку невозможно сомневаться в сомнении, ибо это абсурд. В неклассической же эпистемологии критицизм как установка недоверия субъекта (человека) по отношению к окружающему миру представляется искусственной. Ведь субъект (человек) сам является частью этого мира, следовательно, он не может абстрагироваться от него в абсолютном плане. В силу этого он должен что-то принимать на веру и без привлечения методологического сомнения, а значит, и доверять себе, своим ощущениям, другим источникам. В таком случае нельзя говорить о беспроblemности знания и познания, оно всегда будет выражено с привлечением проблемной организации в виде вопросов, противоречий, неопределенности.

Правда, можно возразить, что в классической эпистемологии подобные характеристики присутствовали даже в научном знании и познании. Действительно присутствовали, но был и идеал итогового состояния процесса научного познания, что в конечном результате такого быть не должно. А для неклассической эпистемологии идеала беспроblemности знания и познания быть не может, поскольку если существует взаимопроникновение знания и мнения, знания и веры, знания и незнания, то обозначение как каждого фактора в отдельности, так и совместно возможно только через проблему.

Отказ от фундаментализма. Этот отказ как особенность неклассической эпистемологии также актуализирует роль проблемы как формы научного знания. Подобная характеристика предполагает, что знание, которое становится научным, являясь истинным и объективным, становится таким навсегда. Но как показывает развитие науки и научного знания, в XIX–XXI вв. особенно, даже научное знание может трансформироваться самым существенным образом. И то, что считалось истиной еще сто лет назад, таковым сегодня уже считаться не может. Судьба научного знания в контексте будущего развития науки выглядит неопределенной, а знание считается истинным только в рамках определенного временного контекста. Напомню, что в классической эпистемологии научная проблема обозначала временное состояние неопределенности научного знания, которое в дальнейшем преодолевалось. Напрямую видно сходство такого рода оценок развития знания и познания, только с одним отличием, что научная проблема в неклассической эпистемологии выражает собой такое состояние знания (в первую очередь, научного), которое предстает как неизменное и естественное для познания.

Отказ от субъектоцентризма. Этот отказ означает, если в классической эпистемологии считалось, что субъект вполне может представлять собой «абсолютного наблюдателя», способного абстрагироваться от внешнего мира с целью его объективного описания, то те изменения в представлениях о познании, которые происходят в его рамках в последние десятилетия, показывают, что это лишь пожелание, идеал. Человек, как часть внешнего мира, всегда в нем присутствует, и никакие познавательные приемы и средства не смогут элиминировать это присутствие из знания. Человек выступает как продукт внешнего мира и одновременно как самостоятельное автономное начало. Само соотношение этих измерений представляет проблему, неясность. Поэтому сложность субъективного «устройства» человека обостряет вопрос о субъекте как источнике познания. Здесь подвергается сомнению тезис, установившийся в классической эпистемологии, что субъект как носитель сознания считается источником для постановки научных проблем. По крайней мере, опираясь на представления когнитивных наук, нейрофизиологии и т.д. можно констатировать, что если человек и является инициатором постановки научной проблемы, то далеко не всегда он осознает это (мозгу человека свойственно принимать решение до того момента, как человек осознает, что он это решение принимает). Иными словами, можно сказать, что сам процесс постановки научной проблемы, так же как и процесс ее решения, для субъекта носит открытый характер, что означает некоторую независимость существования уже поставленных научных проблем в научном познании от последнего.

Отказ от наукоцентризма. Этот отказ снимает с образа науки «ореол» исключительности, с которым связано убеждение, что последняя представляет собой систему достоверного знания. На этот ореол и работало понимание научной проблемы в классической эпистемологии как своеобразного рубежа между научным знанием и незнанием (там, где наука сталкивалась с незнанием, с неопределенностью, возникали или ставились научные проблемы). Это был естественный эпистемологический, способствовавший разграничению научного и ненаучного знания.

В неклассической эпистемологии понимание науки не связано с ее трактовкой как единственной, достоверной системой истинного знания. Даже сохраняя в качестве приоритета ориентацию на достижение истины, наука не может сегодня ее получать (добывать) за счет исключения из содержания знания субъективных компонентов. Без других систем знания (мифологической, религиозной, повседневной, философской и др.) научное знание нельзя считать полным и истинным. Скорее наоборот, чем больше систем знания включается в представления человека о мире, тем большей полнотой, истинностью эти представления могут быть охарактеризованы. В проблемном выражении это означает, что чем больше аспектов знаний о мире захватывает научная проблема, тем значимее она становится. Поэтому научная проблема будет считаться более важной тогда, когда ее постановка обусловлена не только научными фактами, но и социальными, экологическими, политическими, экономическими, технологическими и т.д.

Как видно из результатов проецирования характеристик неклассической эпистемологии на те черты, которые связаны с научной проблемой, ее место в научном познании, последняя существенным образом трансформируется в контексте тенденций развития современной философии. Основной тренд интерпретации феномена научной проблемы направлен на пересмотр ее трактовки как способа обозначения временного состояния научного знания, сохраняющего границу между наукой и не-наукой в сторону интерпретации ее как постоянного состояния научного знания, позволяющего на этой основе соотносить любые другие системы знания применительно к наиболее значимым для общества темам. Научная проблема выступает в качестве открытого полигона, где становится возможным применение потенциала науки для решения важнейших социальных вопросов. Как образно характеризует описываемую ситуацию П.Д. Тищенко, «обнаружив изъян знаний и желая преодолеть его, приблизиться к предмету исследования, наука предлагает новую предметную область – пространство конкретного дисциплинарно оформленного представления (новых правил, законов или смыслов), которое в себе также оказывается бесконечным и принципиально незавершенным. Поэтому каждый новый шаг (новая дисциплинарная область), обнаружив нечто новое и существенное, не приближает познание к сути дела, а разверзает между ним и этой сутью еще один, теряющийся в бесконечности, путь. Каждая новая антропологическая идея – это лишь новый бесконечный мир проблем» [5. С. 160].

Обозначаемая актуализация роли научной проблемы, характеризуемой как социокультурное основание взаимодействия науки и других систем знания, вовсе не связана с попыткой пересмотра значимости науки и научной

истины. Скорее, это демонстрация усиления роли науки в современной культуре, которая, выходя за традиционно установленные ей эпистемологией пределы, выражает свою мощь и неутомимость.

Глобализация применения научных знаний подчеркивает прагматико-утилитаристскую сторону науки. Проникновение последних в различные сферы жизнедеятельности человека сегодня носят необратимый характер, поэтому осознание преимуществ науки, так же как и ее недостатков, становится стержневым фактором функционирования современной культуры. Естественно, что лучше всего подобные стороны бытия науки раскрывают научные проблемы, выступающие узловыми точками научной деятельности (научного познания), через которые в первую очередь видно, на что направлены интенции науки, с чем сталкивается научное знание в процессе своего получения, утверждения и применения. Собственно, такого рода предметное поле и формируется в рамках неклассической эпистемологии. Как характеризует предметное поле неклассической эпистемологии В.А. Лекторский, оно состоит в том, «чтобы осознать новые горизонты эпистемологических исследований: расширение поля их приложений, необходимость нового понимания и переформулировки ряда ее проблем, установления новых отношений со специальными науками, в том числе с изучающими познавательные процессы» [4. С. 29].

Сложная реальность, изучаемая современной наукой, включает различные измерения предметного, методологического, этического, экологического, исторического, национального и т.д. планов. Поэтому научная проблема представляет собой совокупность вопросов (либо один, но сложно сформулированный вопрос), где все перечисленные аспекты должны быть учтены. Даже если что-то опускается в процессе формулировки научной проблемы, то сама форма выражения проблемы, содержащая в себе неопределенность, допускает возможность дополнения содержания научной проблемы каким-то упущенным аспектом. Сама проблема предполагает сложность своего наполнения, где, с одной стороны, представлены четкие интенции на достижение истины, одновременно прагматико-утилитаристского результата, а, с другой стороны, подспудные, не всегда ясно осознаваемые интенции, связанные с опасением получения именно такой истины или такого практического применения полученного знания. Научная проблема воплощает собой единство указанных тенденций, что во многом обуславливает нерешаемость научной проблемы в качестве одного из критериев последней в рамках современного научного познания.

Говоря словами П.Д. Тищенко, «"решение" включает сохранение самой проблемы как нерешенной, открытой новым и новым попыткам ее разрешения» [5. С. 251]. Проблема в научном познании должна быть и решаемая, и нерешаемая. Точнее, под ее решаемостью подразумевается поиск ответов по отношению к какой-то части вопросов, составляющих содержание научной проблемы, а под ее нерешаемостью – понимание того, что часть других вопросов, присутствующих в предметном поле проблемы, осталась без ответов. Нагляднее такое понимание критерия решения научной проблемы объясняет роль ученого в процессе научного познания. Учитывая сложность познаваемой реальности (объекта), комплексность научной проблемы, возникает не-

обходимость привлечения многих специалистов из различных сфер для поиска ответов на поставленные вопросы. И ни один специалист в процессе поиска ответов не может иметь право решающего голоса, поскольку каждый из них профессионал в своей области знаний и непрофессионал в другой сфере. «Субъект производства знаний оказывается двуликим Янусом – экспертом и профаном одновременно» [5. С. 257].

Иными словами, комплексность научной проблемы такова, что эта проблема не может быть решена полностью, поскольку степень неопределенности, обозначенная в ее рамках, настолько велика, что охватить ее одному субъекту, даже коллективу ученых, невозможно.

Не случайно, что современное общество сегодня одновременно характеризуют и как «общество знания», и как «общество риска». Когда говорят о нем как об обществе знаний, то имеют в виду, что главное для него производство – это производство знания и технологий, связанных с получением знания. Когда же говорят об обществе риска, то подразумевают радикализацию тех тенденций, которые в обществе имеют место. В первую очередь, это усиление тенденций производства знания. Действительно, с одной стороны, знание предстает как определенная доминанта функционирования общества, позволяющая понять, что мир прежде всего важен не сам по себе, а как знание о нем. С другой же стороны, знание в таком случае может подменять собой мир, что приводит к иллюзии, обману, утрате основы жизни для человека. Само знание есть не что иное, как способ освоения мира человеком, поэтому увеличение знания ведет к большей информированности человека о мире. Но в то же время знание может подменять собой мир, что порождает риски для человека. Отсюда и такие характеристики общественной организации (общество знания и общество риска), которые взаимообусловлены.

Эпистемология вне зависимости от того, как ее определять (классическая или неклассическая), занимается этими вопросами: вопросами формирования знания, его генезисом. И в этом плане существующие тенденции таковы, что эпистемология должна быть востребована как философская дисциплина и в обществе знаний, и в обществе риска. Научная же проблема предстает как ключевой феномен ее современного (неклассического) состояния. Такой характер научной проблемы обусловлен ее центральным положением в процессе научного познания. Это центральное положение вызвано необходимостью постоянного обозначения состояния научного знания как проблемного в силу сложной структурной организации предмета научного исследования, двойственной ролью субъекта научного познания (и как эксперта, и как профана), одновременно эпистемологической задачей получения истины, прагматико-утилитаристской (ориентация на практическое применение), социальной (ориентация на доказательство общественной необходимости данного результата), этической (ориентация на демонстрацию нравственной чистоты исследовательского интереса), экологической (ориентация на отсутствие негативных последствий результатов научного исследования для окружающей среды) и т.д. составляющими содержания ее структурной организации. Все перечисленные факторы предполагают не просто ключевое значение научной проблемы, но и понимание последней в качестве основания взаимодействия науки и других важных сторон культуры. При этом научная проблема как

основание познавательной активности субъекта является условием для соблюдения баланса между различными структурными составляющими культуры, поскольку, выражая собой неопределенность, она не позволяет ни одной системе получить приоритет в описании реальности в процессе своего решения.

Литература

1. Пружинин Б.И. Наука и эпистемология в «цивилизации знания» // Эпистемология: перспективы развития / Отв. ред. В.А. Лекторский. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2012. С. 189–198.
2. Микешина Л.А. Философия науки: Современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования: учебное пособие. М.: Прогресс-Традиция: МПСН: Флинта, 2005.
3. Лекторский В.А. О классической и неклассической эпистемологии // На пути к неклассической эпистемологии / Отв. ред. В.А. Лекторский. М.: ИФРАН, 2009. С. 9–14.
4. Лекторский В.А. Эпистемология и исследование когнитивных процессов // Эпистемология вчера и сегодня / Отв. ред. В.А. Лекторский. М.: ИФРАН, 2010. С. 3–30.
5. Тищенко П.Д. На гранях жизни и смерти: философские исследования оснований биоэтики. СПб.: Изд. Дом «Мирь», 2011.